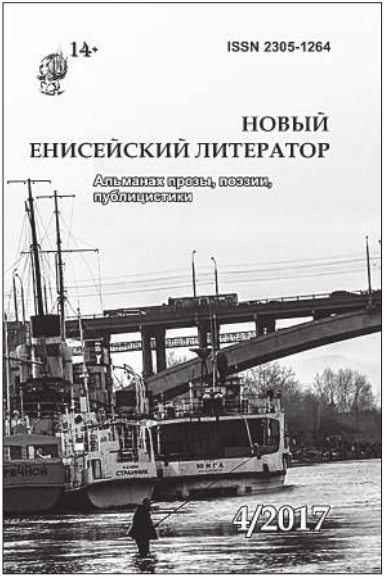
...«Новый Енисейский литератор» как-то случайно попал в поле моего внимания. Читается в наше время, увы, мало и наспех. Информационное поле читателя сегодня прирастает из других, более активных и, я бы добавил, агрессивных источников, и совсем не из бумажного ряда. Тем не менее, думаю, читатель, обладающий всем комплексом мировосприятия, по-прежнему не обрывает связи и с бумажным вариантом сегодняшней многоликой книги. В этом смысле альманах сибиряков — вполне состоявшееся, подчёркнуто независимое книжное издание. Выходит в свет благодаря, как нетрудно догадаться, продуманной активной позиции редактора и удачно сложившейся команде при нём. Независимость представлена, в общем, не только тем, что издание выходит на средства авторов, но и неким умеренным литературным творчеством сибирской части России, этаким консервативным, в хорошем понимании, представительством идейной уравновешенности в рамках простых человеческих ценностей. На страницах сборника из номера в номер присутствует интеллигентная озабоченность вопросами сегодняшних общественных несовершенств, и, конечно же, ясна и понятна неустанная опека нашего великого литературного художественного Слова.



Ниже — несколько слов о четвёртом номере «НЕЛ» за 2017 год, этакий

обобщённый взгляд на сборник, попытка найти единство в столь разноплановом материале альманаха.

Актуальна и замечательна краткая и точная постановка современной писательской задачи Сергея Чередниченко в отзыве на творчество Зои Донгак (повесть «Душа шамана»): «Важна тема кризиса общества и трагической утраты национальной идентичности, которую переживают все народы — и большие и малые...» Тут же весьма правильно подчёркнута бесконфликтность автора, некоторая благость в повествовании, этакое умалчивание реалий настоящего. Надо признать, эта позиция нынче свойственна многим прозаикам, если не всем нам, берущимся за перо. Мистика, религиозность — от язычества до идолопоклонства, архаика, индивидуализм — в большей или меньшей степени используются в писательстве сегодня. Надо полагать, это и есть поиск «национальной идентичности» в обществе, авторская мысль рыскает в этих поисках, напряжена и импульсивна. Это интересно, увлекательно, но, надо признать, уводит от проблем настоящего. К добру ли? Время непонятное, трудное в определениях, да страх пред завтрашним днём одолевает ищущие души.

Потому так, с нотой какой-то необъяснимой отчаянности, Слово мечется в желаниях вернуться куда-то назад в прошлое или совсем уйти в никуда (стихи Галины Богапеко), потому так сильнó, но грустно, философично, отрывочно, скупо, словно оставленное тонкой кистью («Спаси Бо...», Галина Дубинина). Несмотря на мелкотемье, как всегда силён и задумчив Словом Владимир Крупин («Ах, зачем ты меня, мама, родила?»). И тут же это Слово со спокойным юмором романтично возвращается в пору авторского студенчества конца ушедшей эпохи («Копейка», Олег Риб) или поэтично устремлено к детско-гастрономическим изыскам («Тренди-бренди», Андрей Кручинин), и потом Оно, оставив большие желания, убегает из города к цветочкам, грибочкам, к ручейкам в овражках и так далее. А то вдруг навеет «попутным ветром» восторженность, и дух, и простоту из пушкинских времён (стихи Василия Бурягина), или прозвучит крепкое, почти мужское, из поэзии Веры Золотухиной.

Это чем-то похоже на толоку, когда всем миром поднимают односельчанину дом. Кто чем может, в основном сообща,

своим трудом, без всякой корысти, с пониманием того, что делают не одному — село множат! Творят приятельство и дружбу, складно крепят ладом Мир. Так своеобразно напрягается провинция в желании сохраниться в языке, укрепиться через язык в идее бесконечного жизнеутверждающего движения к способности чувствовать в единстве свои суть и силу...

Такое происходит на стыке двух мировоззрений — социалистического и частнособственнического, когда чуть сдаёт позиции эпоха обобществлённого труда, искусственно воспитывающего определённую психологию, основанную на теориях гуманизма, и чуть одерживает верх психология индивидуализма. Прежние формы государственности в условиях роста численности населения планеты, роста современного производства, активных естественных и искусственных миграций, развития новых коммуникаций в условиях буржуазного развития получают некоторый импульс к усилению самоконсерваций. Распад советской системы — результат такой консервативности капиталистических отношений. Социализм желанием перемен вызвал определённые общественные движения, но отсутствие нужных теоретических разработок (поскольку социализм искусственен, и это особо важно) способствовало капиталу повернуть эти движения себе в пользу. Такая ситуация содействовала возврату общества к буржуазным началам, что и показала возможность консервации формаций. Автономизация, сепаратизм, межнациональные противоречия — явное проявление остановки в общественном развитии. Капитал в своих начальных формах — явный пособник расслоению и обособленности народов...

Потому и озабочено ныне наше многотрудное Слово желанием отыскать опору, обрести устойчивость и силу в противоречивом мире. И, несмотря на телевизионную крикливую многоликость, на пугающую неохватность Интернета, живо художественное Слово, бьётся трепетно из абсолютной грамотности общества в горячем предвестии новых значительных книг...

Приморье, январь 2018